

К. Ю. Бардола (Харьков)

Проблема византийской коррупции в историографии

Понятия «коррупция» и «Византия» прочно сплелись в сознании практически всех, кто вольно или невольно обращался к византийской истории. Редко можно встретить исследование византийской цивилизации, где коррупция не упоминалась бы как ее характерная черта [1, с. 97–98; 2, р. 86, 107, 173, 218; 3, с. 46]. Тем более удивительным представляется тот факт, что подобное явление не было предметом специального исследования. По теме коррупции в Византии нет ни одной монографии, а те авторы, которые затрагивал эту тему в своих исследованиях, к сожалению, уделяли внимание лишь некоторым аспектам подобного явления [4, 5, 6, 7]. С одной стороны, может показаться, что тема не имеет перспектив для дальнейшего изучения, так как отсутствует ее видимая дискуссионность. Вряд ли кто-то будет отрицать наличие коррупции в Византии и ее негативное влияние на деятельность государственной машины и отношения общества к чиновникам в целом. Однако подобная однозначность проблемы оказывается поверхностной при более пристальном к ней внимании. К сожалению, исследователи так и не определились, что же они понимают под термином «коррупция», часто рассматривая под коррупционными действиями любые злоупотребления чиновников или их привычную деятельность, которые привели к недовольству населения. Весьма неудачное определение, данное А. П. Кажданом и Н. Икономидесом в Оксфордском Византийском словаре только осложнило проблему. «Применение личной власти для достижения государственных либо личных целей, используя скрытую поддержку государственных или церковных должностных лиц» — такое определение может подойти к широкому перечню политических процессов, но только не к коррупции (ODB, vol. 1, p. 535. Corruption).

Практически все юридические и энциклопедические словари отмечают несколько характерных черт коррупционных деяний. Во-первых, это незаконность или неправомочность действий. Во-вторых, лица, которые осуществили эти действия, в результате чего получили личную выгоду. В-третьих, в результате подобной деятельности был нанесен ущерб другим лицам. Собственно, как уже отмечал В. В. Серов, термин *corruptio* происходит от *corrumpere* — «наносить ущерб» [7, с. 32]. Хотя, конечно, можно переводить этот глагол как «соблазнять», «подкупать».

По нашему мнению, следует четко придерживаться подобного определения коррупции, что в значительной мере поможет понять причины поведения тех или иных чиновников, а также прольет свет на отношение византийцев к этой проблеме.

Например, в своей статье, посвященной антикоррупционной политике императора Юлиана, Д. Е. Фурман упоминает два факта, которые, по его мнению, были ярким примером того, как коррупционная деятельность приводила к запустению целых провинций [6, с. 65]. Первый связан с жалобами жителей города Лептис в Северной Африке на отказ римского комита Африки Романа помочь им, пока они не обеспечат его войско провиантом и верблюдами (Амм. XXVIII, 6). Аммиан Марцеллин не уточняет было ли подобное требование законным и не подтверждает личную заинтересованность комита, хотя, несомненно, такое поведение привело к жалобам жителей на «чрезмерную» требовательность чиновника.

Второе свидетельство Аммиана касается злоупотреблений префекта претория Проба, который был подвергнут опале со стороны императора Валентиниана за чрезмерно жесткую налоговую политику в Паннонии и Иллирике (Амм. XXX, 5). Однако источник умалчивает как о незаконности деятельности Проба, так и о получении им личной прибыли. Более того, он утверждает, что император долгое время допускал подобную активность, «как будто уши его были залиты воском», так как его удовлетворяли финансовые результаты. Как видим, при более подробном рассмотрении подобных фактов, несмотря на вполне логичное недовольство жителей империи, достаточно сложно обвинить представителей власти именно в коррупции. Это один из примеров, когда отсутствие четкого определения термина «коррупция» в византийской историографии, приводит к тому, что любая императорская инновация в административной сфере рассматривалась византийцами как «антикоррупционная», что весьма далеко от истины.

Так, политику императора Юлиана по сокращению расходов за счет сокращения государственного аппарата, а также требования к его более эффективной работе Д. Е. Фурман считает примером «антикоррупционной политики», что, несомненно, является смещением акцентов [6, с. 66–67]. Такое же смещение акцентов, а в результате, необоснованное объединение различных свидетельств, можно найти в работе В. В. Серова, посвященной «антикоррупционным действиям» в ранней Византии. В этом случае необходимо отметить, что ранневизантийские провинциальные чиновники имели весьма обширные полномочия и могли действовать вполне самостоятельно, а многие должности отдавались на откуп. Поэтому получение прибыли при осуществлении своей должности было вполне законным, а «чрезмерными» или «произвольными» их действия становились только после издания ограничительных указов императоров, но никак не раньше.

Но наиболее ярко проиллюстрировать факт, что историография запуталась в вопросе о том, в чем заключается суть «византийской коррупции», можно на примере знаменитых новелл Юстиниана о «чистых руках» и их дальнейшей интерпретации (Nov. 8; 16). О том, что эти новеллы были направлены против коррупции, главным доказательством чему послужила фраза о необходимости наличия «чистых рук» у чиновников, заявляли уже на рубеже XIX—XX вв. такие известные исследователи как А. А. Васильев и Ф. И. Успенский. Впоследствии это мнение стало расхожим и кочует, от поколения к поколению, из учебника в учебник [8, с. 352; 9, с. 226–227; 10, р. 125; 11, с. 233; 12, с. 97]. Однако, если мы проанализируем эти новеллы чуть более подробно, то увидим, что они предполагали реформирование вполне законной до этого практики покупки должностей, отмену оплаты деятельности чиновников в виде официальных подарков от подвластного населения, а также борьбу с чрезмерным усердием фискалов в процессе взимания государственных налогов. Сама же фраза о «чистых руках» подразумевала отсутствие кредитных обязательств у претендентов на те или иные должности. То есть, Юстиниан наносил удар по вполне законной и открытой схеме откупа государственных должностей, при которой претендент покупал у государства свою должность, зачастую используя для этого приватный займ под проценты, а после этого предполагал получать законную прибыль в виде части собранных налогов или официальных подношений подвластного населения.

Очевидно, что «откуп» и «коррупция» являются разными понятиями, несмотря на отрицательное отношение населения и к тому, и к другому. Таким образом, переводя вся эти оплаты за должности, «подарки» и частную прибыль чиновников в разряд незаконных, Юстиниан автоматически превращал их в «коррупционные составляющие», то есть способствовал развитию коррупции. Заявление Прокопия о том, что эта реформа стала буксовать буквально через несколько лет, является свидетельством не провала «антикоррупционной» политики Юстиниана, а наоборот, скорее недостатка желающих нести на себе скрытое, противозаконное, коррупционное бремя.

В целом византийцы, которые заявляли о широком распространении коррупции в Византии делали акцент как раз на порочности практики продажи должностей. Конечно подобная практика является непристойной в течение последних четырех-пяти столетий, но во времена Византии она была вполне законной и логичной, соответствуя уровню развития государственного аппарата и общества в целом. Например, представитель французской школы Анналов, А. Гийу, как яркое доказательство подобной «пагубной» практики, приводит свидетельство Константина Багрянородного о том, как старый священник заплатил около 60 литр золота, в 4 раза больше обычной таксы, для того, чтобы получить ранг протоспафария с правом заседать в специальном для высших сановников зале, а также носить торжественную мантию.

Император уступил, пойдя на нарушение определенных правил. Через два года священник умер. Как мы видим, в данной ситуации, несмотря на некоторое правонарушение, если так можно назвать действия со стороны императора, не очевидно получение очевидной личной прибыли, скорее даже наоборот. С другой стороны, определенно, что никто от подобного решения не пострадал, а казна получила довольно крупный доход [13, с. 112]. Старый священник, очевидно, хотел с большим почетом провести свои последние годы, с целью чего вполне открыто заплатил за это желание довольно крупную сумму денег.

Нет никаких сомнений, что коррупция в Империи существовала и была проблемой для византийской власти. Большое количество свидетельств на протяжении всей византийской истории делает весьма легкомысленными попытки поставить это утверждение под сомнение. Тем не менее, для лучшего понимания мотивации и логики деятельности византийских официальных лиц, а также отношения к ним со стороны разных слоев населения, исследователям Византии следует более четко различать официальную систему откупа государственных должностей, злоупотребления слишком «радивых» чиновников и непосредственно коррупционные деяния.

Литература

1. *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. — М., 1947.
2. *Runciman S.* The Byzantine Civilization. — L., 1961.
3. *Норвич Д.* История Византии. — М., — 2010.
4. *MacMullen R.* Corruption and the Decline of Rome. — Yale, 1988.
5. *Veigne P.* Clientèle et corruption au service de l'État // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations.* — 1981. — V. 36. — N. 3.
6. *Фурман Д. Е.* Борьба императора Юлиана с коррупцией государственного аппарата // *Вестник МГУ.* — 1968. — № 6.
7. *Серов В. В.* Административная политика ранней Византии. I. Антикоррупционные меры // *АДСВ.* — 2000. — Вып. 31.
8. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — М., 1999.
9. *Васильев А. А.* История Византийской империи. — СПб., 2000.
10. *Gregory T. E.* A History of Byzantium. — Oxford, 2005.
11. *История Византии:* В 3 т. / Отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. — М., 1967.
12. *Балух В. О.* Византиністика: Курс лекцій. — Чернівці, 2006.
13. *Гийу А.* Византийская цивилизация. — М., 2005.

